

Вильгельм Гауф

Сказка под видом Альманаха

В далекой прекрасной стране, о которой гласит предание, будто в ее вечнозеленых садах никогда не заходит солнце, царствовала, с незапамятных времен и до наших дней, королева Фантазия. Щедрой рукой наделяла она с давних пор своих подданных всяческими благами и была любима и почитаема всеми, кто ее знал. Но королева обладала слишком любвеобильным сердцем, чтобы довольствоваться благодеяниями у себя в стране; она сама, в царственной красе своей вечной молодости и прелести, слетела на землю, ибо она слышала, что там обитают люди, которые проводят жизнь в суровой печали, среди забот и трудов. Им принесла она прекраснейшие дары из своего царства, и с тех пор, как прекрасная королева прошла по земным долам, люди стали радостней за работой, беззаботней в своей печали.

Своих детей, не менее прекрасных и приветливых, чем сама царственная мать, она тоже послала на землю дарить счастье людям. Однажды Сказка, старшая из дочерей королевы, возвратилась с земли. Мать заметила, что Сказка грустна, мало того, ей даже показалось, будто у той заплаканы глаза.

– Что с тобой, душенька Сказка, – обратилась к ней королева, – отчего со времени путешествия на землю ты так печальна и грустна? Доверься своей матери, скажи, что с тобой?

– Ах, милая мама! – отвечала Сказка. – Конечно, я не стала бы так долго молчать, если бы не знала, что эта печаль – также и твоя.

– Нужды нет, говори, дочь моя, – сказала прекрасная королева, – горе – это тяжесть, которая не под силу одному и с которой легко справиться вдвоем.

– Ну так слушай же, – отвечала Сказка, – ты знаешь, как охотно я провожу время среди людей, с какой радостью присаживаюсь я у хижины бедняка, чтобы после работы поболтать с ним часок; люди обычно очень радостно приветствовали меня, когда я приходила, и, весело улыбаясь, глядели мне вслед, когда я шла дальше; но в последний раз все было по-иному!

– Бедная Сказка! – сказала королева и погладила ее по мокрой от слез щеке. – Но, может быть, тебе так только показалось?

– Верь мне, я не заблуждаюсь, – возразила Сказка, – они меня разлюбили. Повсюду, куда я прихожу, меня встречают холодные взгляды; нигде мне не радуются; даже дети, которые меня ведь всегда любили, смеются надо мной и, с серьезным не по летам видом, отворачиваются от меня.

Королева склонила голову на руки и умолкла в задумчивости.

– Но чем же объяснить, Сказка, – спросила королева, – что люди там, на земле, так изменились?

– Видишь ли, они расставили повсюду мудрых сторожей, которые зорко следят за всем, что появляется из твоего царства, о королева Фантазия! И если тот, кто приходит, им не по душе, они поднимают громкий крик и убивают его или так порочат его перед людьми, которые верят им на слово, что у тех не остается уже ни любви, ни искорки доверия. Ах! Хорошо моим братьям, снам; не обращая никакого внимания на тех мудрецов, весело и легко слетают они на землю к спящим людям и навевают им все, что радует сердце и веселит взор.

– Твои братья – ветрогоны, – сказала королева, – и тебе, любимица моя, нечего им завидовать. А сторожей тех я знаю хорошо; люди вовсе не так уже неправы, поставив их; не один бойкий проходимец делал вид, будто прямым путем явился из моего царства, а на самом деле он разве что заглянул к нам с какой-нибудь горы.

– Но почему же они наказывают за это меня, твою настоящую дочь? – плакала Сказка. – Ах, если бы ты знала, как они со мной поступили! Они обозвали меня старой девой и пригрозили в следующий раз совсем не впустить меня.

– Как! Не впустить мою дочь? – воскликнула королева, и гнев залил краской ее щеки. – Однако мне ясно, откуда это исходит: нас оклеветала злая тетка!

– Мода? Неужели? – воскликнула Сказка. – Она ведь всегда такая приветливая!

– Я ее, лицемерку, хорошо знаю! – отвечала королева. – Но сделай ей назло еще одну попытку, дочь моя; кто творит добро, тому не пристало унывать.

– Ах, мама! А если они меня просто прогонят или так опорочат, что люди на меня и глядеть не станут, а то еще с презрением забросят и позабудут в углу?

– Если взрослые, обольщенные Модой, пренебрегут тобой, обратись к детям, – вот поистине мои любимцы; твои братья, сны, приносят им от меня самые светлые видения; да и сама я часто слетала к ним, ласкала и целовала их, затевала с ними веселые игры; они хорошо меня знают, хотя имя мое им не знакомо, но я часто замечала, как по ночам они улыбаются моим звездам, а утром, когда сияющие барашки тянутся по небу, они от радости хлопают в ладоши. И, подрастая, они все еще любят меня; я помогаю милым девушкам плести пестрые венки, а резвые юноши задумываются, когда я подсаживаюсь к ним на высокой вершине скалы, воздвигаю из туманного мира далеких синих гор высокие замки и блистательные дворцы и создаю из пурпурных вечерних облаков отряды отважных всадников и причудливые шествия пилигримов.

– О милые детки! – растроганно воскликнула Сказка. – Будь по-твоему, попытаюсь обратиться к ним.

– Да, дорогая моя дочка, – сказала королева, – пойди к ним; только я тебя как следует приодену, чтобы ты понравилась малюткам и чтобы взрослые тебя не прогнали; знаешь, я наряжу тебя альманахом.

Назад << 1 [2](#) >> [Дальше](#)